

Виктор Гвор

Заместитель господа бога

Заместитель господа бога

Повесть

*Все события,
описанные в данной
публикации, вымышлены.
Но любое совпадение не
случайно, а является
объективной
закономерностью.*

Июнь 1978, Полярный Урал

— Не понял!!!

Колянч стоит возле палатки и держит в руках большую черную сумку. Сумка пуста. Совсем. Эта сумка не может быть пуста. Никогда не бывает пуста. Эта сумка — источник. В ней хранится спирт. Питьевой этиловый спирт в полулитровых бутылках разлива Лобытковского ликероводочного завода. Регулярно снизу приходит кто-нибудь из местных спасателей и докладывает в сумку несколько бутылок взамен выпитых нами. Как часто это происходит, мы не знаем, восприятие

времени нарушено. Всё проведенное здесь время сливается в один бесконечный день. Полярный день этому тоже способствует. И спирт способствует. И вообще...

Местные сначала крутились возле нас, выбирали место для площадки, пытались взять носилки, потом куда-то испарились, и теперь появляются только чтобы пополнить черную сумку. Ну и хрен с ними. Главное, спирт в сумке есть всегда.

А сейчас его там нет. Ни одной бутылки. Совсем. И совершенно непонятно, что делать...

Нет, мы не алкоголики. Больше того, мы практически непьющие, просто работать трезвыми не можем. Не вообще не можем, а конкретно здесь и сейчас.

С того самого момента, когда мне, вывернувшему из-за камня и застывшему в столбняке от увиденного, всунули в руку стакан спирта, мы не трезвели. И сейчас пьяные. Трезвый мозг отказывается отождествлять Их с Ребятами. С теми, с кем еще полгода назад мы вместе бегали на тренировках, проводили слеты, составляли планы на лето... С Олегом, Борей, Наташей... Пьяный мозг тоже отказывается, но в этом состоянии хотя бы можно работать...

Никто, конечно, не надеялся найти живых. Полгода, как они пропали: почти вся зима, весна,

кусок лета... Если бы кто выжил — давно вышел к людям. Или погиб позже. Да и искали их зимой, очень серьезно искали, не мы одни, десятки людей выезжали, живых бы точно нашли...

Понимать-то мы понимали...

Но только здесь, глядя на Них в первый раз, под шум в голове от двух подряд стаканов, я неожиданно осознал, что не верил. Никто из нас не верил. Не хотел. За живыми ехали. Найти и спасти.

И сейчас всё еще не верим. Хотя Димку, Борю и Наташу уже перетащили туда, где будет вертолетная площадка. Мы ехали искать Ребят.

А Они... это даже не тела, не трупы, хотя еще не останки, узнать можно, но с трудом, в основном, по одежде... Блин, как представляю, что их будут предъявлять родителям для опознания... Хотя Димкин отец был с нами первое время. И держался молодцом, пожалуй, лучше нас всех... Только и спирт глушил по-черному. Но то отец, к тому же мужик тертый, да и наверху времени провел немного. Как Димку перенесли, посидел рядом с ним часок и ушел. Точнее, увели его. А как переживет это Наташкина мать... Или Борины родители, им за шестьдесят уже, единственный ребенок, поздний, долгожданный... До двадцати не дожил...

К черту, работать надо, пошли, парни. Здесь, где они погибли, вертолет не сядет. Нам надо всего

лишь перетащить тела на полкилометра вверх по склону. Еще четыре ходки, и всё. Пошли, пошли...

Пошли-то, пошли, а толку. Я просто не могу прикоснуться к Ним в трезвом виде. Остальные не лучше. Мы даже пьяные берем Их только за одежду. А сейчас, практически протрезвев...

Черт, мы с Валерой собирались вместе идти в августе...

СПИРТА, суки, СПИРТА!!! У кого-нибудь есть спирт??? Или водка? В аптечке что-нибудь на спирту есть?

— Одеколон есть. Говорят, его пьют, — Андрюша большой пижон. О его привычке даже в походах каждое утро бриться и обязательно освежаться одеколоном ходят легенды. Но сейчас Андрей зарос не хуже любого другого. А одеколон пригодится. Хотя, двести грамм на пятерых... даже не смешно. Еще что?

Валерьянка, настой на золотом корне... Хрен его знает, золотой ли корень мы собираем в Фанах, но весь клуб твердо уверен, что это именно он, и что его настой повышает мужскую потенцию. Особенно, если настаивать не на водке, а на валерьянке. Непонятно зачем его потащили сюда, в чисто мужской коллектив, но это уже детали: спиртное и ладно.

Все одно мало.

На самом деле спирт еще есть. Но никто из

нас даже под страхом смерти не прикоснется к стоящему на большом камне (Их камне!) полному стакану, настоящему граненому стакану, накрытому зачерствевающим ломтем хлеба. Этот стакан стоит там с первого дня, и будет стоять вечно.

— ЧТО ЕСТЬ ЕЩЕ?!

Французский шампунь. Зеленый и пахнет спиртом. Нет, шартрезом он пахнет. И внешне похож. Аккуратно пробую его языком. На вкус тоже похож. Шампунь выливается в литровую колянничеву кружку вслед за одеколоном и валерьянкой.

— Не потравиться бы... — Илюха из нас самый старший и, как следствие, самый осторожный, — давай смесь через чай пропустим! Он всякую дрянь абсорбирует.

Старший! Через тридцать лет я в Интернете к этому слову смайлик поставлю. Охренеть, какой взрослый! А кто в поезде наливал воды в презервативы, оставшиеся от упаковки спичек, и выбрасывал их в окошко: влетит в следующее купе или нет? Детский сад! Хотя весело было...

Завариваем в кастрюле полпачки заварки на поллитра воды, «чаек» аккуратно сливаем, остужаем в ручье и смешиваем с содержимым кружки. Полученная смесь взбурливает, нехорошо причмокивает и превращается в черно-зеленую

субстанцию непонятной консистенции. Назвать ее жидкостью уже нельзя, но и на твердое тело она еще не тянет. В голове крутится что-то про коллоидные растворы и двести грамм на рыло, почти стакан... Отгоняю эту мысль, как неконструктивную, и, смахнув с поверхности пену, первым вливаю в себя дозу. Народ следует моему примеру.

И? Ни в одном глазу. Что пил, что не пил. Андрей пытается что-то сказать. Из рта выдувается мыльный пузырь. Илюха смотрит на него и начинает смеяться. Теперь уже из его рта вылетает вереница пузырей. Смех переходит на всех. Мы смеемся, не в силах остановиться. Нет, мы не смеемся, мы ржем. Живот сводит судорогами, слезы льются из глаз, катаемся по земле и ржем, ржем, ржем как заведенные. Краем сознания понимаю, что это истерика, что надо прийти в себя, собраться, взять себя в руки, но тут Васька, не переставая смеяться, начинает блевать, разбрасывая по камням содержимое желудка. Фонтан, бьющий из Васьки, вызывает новый приступ хохота у всех, включая его самого. Не прекращая хохотать, переворачиваюсь на спину, потом на живот, опять на спину, еще, еще и вкатываюсь, наконец, в ручей, прямо под водопадик с большого камня. Ледяная вода мгновенно прочищает мозги. Смех уходит, остается боль в сведенных мускулах живота и

горечь во рту. Сидя в ручье, жадно пью воду. Потом встаю, дрожащими руками подхватываю обе кастрюли, набираю воды и обливаю Ваську и Коляныча. Вторая ходка. Илью и Андрея. Снова Коляныча и еще раз Илюху. Даю Ваське напиться. Все постепенно тащатся к ручью.

Потихонечку отпускает живот. Хмеля нет. Совсем. До эксперимента были пьянее. Андрюха вытаскивает мокрую пачку сигарет, с сожалением смотрит на нее, выбрасывает и идет к палатке. Достает новую. Угощает остальных. Кроме меня. Я не курю. Уже три года не курю. Как школу кончил, так и бросил. Выкуривают. Потом по второй. По третьей.

Во мне медленно начинает подниматься тяжелая злость. Посреди зеленого травяного склона сидят пятеро здоровенных, абсолютно трезвых, насквозь мокрых, и совершенно беспомощных двадцатилетних пацанов, а рядом, в полусотне метров, в остатках спальников, лежат четыре тела, которые надо перенести вверх по склону, но к которым мы не можем даже прикоснуться.

Беру у Андрюхи сигарету. Выкуриваю резко, рывком, в две затяжки. И так же рывком встаю и подхватываю носилки.

— Пошли.

Не понимают. Смотрят на меня, слышат, но не понимают.

— Пошли, вашу мать!

Иду к Ним. Кладу носилки рядом с телами и поворачиваюсь к крайнему. Олег, командир. После похода должен был выйти на работу в нашу лабораторию. Я сам его рекомендовал. Беру его за свитер и штаны и перебрасываю на носилки. Полгода назад, когда мы боролись на слете, он был легче. Намного легче. Глаза застилает пелена. На хуй всё! Олега больше нет! Это просто тело! Груз, который надо утащить наверх! Протираю глаза рукавом и привязываю труп к носилкам.

— Вперед!

Парни забирают носилки. Устанавливаю другие. Подбираю забытую Андреем пачку, выкуриваю сигарету, потом вторую. Встаю. И, не обращая внимания на набегающие на глаза слезы, перекидываю на носилки Валеру...

* * *

Спирт принесут через двенадцать часов. Или через десять. Кто здесь считает время, кто за ним следит... Полярный день... В принципе, спирт уже будет не особо нужен. Но мы не откажемся. Сядем на краю площадки, чтобы видеть все семь носилок наверху и Их камень внизу, и будем пить. Порциями по полстакана с интервалом в пятнадцать-двадцать минут...

Еще через час прилетит вертолет, и мы будем смотреть, как здоровенные бугаи в белых халатах затаскивают внутрь носилки с телами. Какой-то прыщ в новенькой прокурорской форме начнет прыгать перед нами, размахивая руками и крича что-то поганое про ребят, про нас, и что он нас всех посадит. Мы сначала вяло пошлем его на три неприличные буквы, затем еще дальше, и, наконец, я решу снести ему челюсть, чтобы было, за что сажать. Но откуда-то появится мужик, в такой же форме, но постарше и возрастом и званием, выдернет прыща прямо из-под моего кулака и пошлет его очень далеко, гораздо дальше, чем мы.

Улетит вертолет, исчезнут все, кто появился с ним и без него, а мы будем сидеть, пить спирт и курить Андрюшины сигареты, и опять пить спирт, раз за разом опустошая кружки, и только стакан, стоящий на верхушке Их камня, так и останется полным и накрытым ломтем хлеба.

Останется и тогда, когда мы уйдем.

Август 1980, Центральный Кавказ

— Ну, и какого хрена ты сюда приперся? Мне работники нужны, мужики, а не детский сад, мать твою через трисвисчатого переподвыподверта! Присылают всякую похребень семизвезденчатую, а мне работать с этими молокососами! — настроение

начспаса явно оставляет желать лучшего.

Причина этого настроения топчется тут же всеми шестью ногами и делает вид, что она не причем. Три мужичка весьма неспортивного вида в снаряжении, с головой выдающим чайников. Смотрятся, как три бабушки переодетые.

В чем тут дело, понятия не имею. Ввалился сдуру посреди разговора со своим направлением на работу, вот и получаю по полной. Знакомлюсь, так сказать, с начальством. Начальство, похоже, всерьез меня не воспринимает. Зато ругается красиво...

— Ты хоть в горах-то бывал, чухрень столичная? — ага, похоже, мы переходим к делу.

— Приходилось, — раз он хочет видеть чайника, не будем пока дядю расстраивать.

— А здесь бывал?

— Приходилось.

В этих местах я руководил своей первой шестеркой. Но торопиться выкладывать всю подноготную не спешу. Успеется. Как там, у Пругкова? Вид надо иметь лихой и слегка придурковатый.

— Какой разряд?

— Второй!

— По альпинизму?

— По шахматам!

— Ты еще повыпендривайся. На кой перегребнутый конец мне твои шахматы? По

альпинизму какой?

— Никакого.

— А здесь что делал?

— В поход ходил прошлым летом.

— Ага, турист значит! Ну вот, забирай своих духовных родственничков, — напчспас кивает на «бабушек», — и найди их потерянных девочек. Пока они «холодную» не словили. Ясно задание?

— Так точно! — лихой, значит, и придурковатый. Слегка. По тону ясно, что задание мне подсунуто гнилое донельзя. — Разрешите идти?

— Вали, вали... пополнение...

Разворачиваюсь, как на занятиях по строевой, и маршевым шагом покидаю помещение. Не забыв прихватить с собой и причину начспасовского настроения. Должен же кто-нибудь объяснить мне, в каком тут дерьме собака порылась.

* * *

Мда... дело не просто гнилое. Искать на северном леднике Фельты трех пропавших девчонок посложнее, чем стог сена просеивать в поисках колющих предметов. Ледничок-то не сложный, но здоровый, и видимости на нем никакой, всё засыпано моренами и утыкано кальгаспорами и мульдами всяческими. Троп нет.

Кричать там тоже бесполезно, эхо гуляет по весьма хитрым траекториям. А времени у меня часов шесть максимум, потом стемнеет и кранты. Ночевки на леднике без снаряги девочки могут и не пережить. Их мужики точно не пережили бы.

По-хорошему, надо выпускать роту солдат и прочесывать ледник мелкой сетью. Или поднимать альплагерь. Но солдат здесь нет, а лагерь пустой, сразу видно. Скорее всего, все на восхождениях.

А начальничек мой не прост, совсем не прост... Найду — хорошо, нет — он хоть сможет орать наверху на тему семизвездчатой похребени, которую ему присылают. А я, однако, что имею? Хрен с повидлом имею. «Бабушек» с собой можно не брать, они до ледника будут идти часа три, если не больше. Других людей нет. Есть одна идея, однако... У нас, туристов, свои методы.

Быстро собираюсь и затаскиваю рюк с ненужным барахлом в кабинет начспаса. Пусть здесь полежит до моего возвращения. И еще мне нужен жетон. Ксива-то не один день делается, а с жетонами проще. Начспас смотрит с нескрываемой насмешкой, но жетон дает, даже без комментариев. Утомился, что ли? На всякий случай прошу рацию. И рация есть. Надо же! Хорошо, если пропавшие выйдут сами, не придется чесать ледник до утра. Шляпу на голову, и ноги в руки...

* * *

До ледника осталось совсем чуть-чуть. А вот и моя идея претя по тропе мне навстречу. Семь человек, нет даже восемь. Вполне экипированных и боеспособных. Привет, ребята, спасслужба, да не нужны мне ваши документы, нужно ваше участие в поисковых работах.

Насколько мне известно, еще ни одна туристская группа не отказывалась от спасов. В нас это с первой единички вбивают. Рюкзаки летят в сторону, и через пять минут восемь человек в полном моем распоряжении. Нас девять и у нас есть пять часов до темноты...

* * *

Обхожу очередной серак. Или как называется этот ледовый столбик без камня на верхушке? Не суть, этих столбиков здесь настоящий лес. За ним никого. Заглядываю в мульду пятью метрами дальше. Тоже никого. Куда же задевались эти чувырлы?! Уже почти четыре часа мы кусками прочесываем ледник, стараясь так стыковать зоны, чтобы ничего не пропустить, и чтобы искомые не могли проскочить мимо нас незамеченными. Однако, время тает, и силы тают. Еще одна мульдочка... Пусто. Кусок закончен. Собираемся,

перестраиваемся. Остался последний участок. Потерпите, парни, если не найдем, будет отдых. Думать будем, что делать дальше. Двинулись. Вот наворотило здесь! И ведь ни одной трещинки на леднике, а на вид — ледопад ледопадом... Что тут? Тоже пусто. Хочется помянуть семизвездчатую похребень, трисвисчатого переподвыподверта и родную мать начспаса. Ни в чем себе не отказываю. Минутку! А это что за звуки. Глянуть надо, однако. Обхожу небольшую стеночку. Вот вы где, лапочки! Сидят, родные! Сидят и, видимо, плачут. Меня не замечают, хотя я уже в трех метрах. Ну-ну...

— Девчонки, может, домой пойдем?

Вскакивают они мгновенно. Заплаканные лица озаряются на удивление приятными улыбками. Впрочем, с мозгами, кажется, не всё нормально.

— Вы господь бог?... Наташа молилась...

Интересно, откуда у них такие ассоциации? Ага, я ж зашел с запада, закатное солнце обеспечило нимбом. Ну и ладно, лишь бы помогло...

— Не совсем. Я его заместитель по вашему спасению. Идти-то можете?

Вполне даже могут. И неплохо. Еще не стемнело, а мы уже в лагере. Мои добровольные помощники остались ночевать наверху, так что лавры спасителя достаются мне одному. Лавров не слишком много, но и макароны с тушенкой вполне устраивают. И чаек тоже. Особенно, чаек. Если еще учесть, что до доклада, а не после... А то денек выдался немного суматошный, утром я еще в Столице был...

Из столовой выхожу уже вполне довольный жизнью. Присаживаюсь на скамейку у пожарного щита и закурываю сигарету. Ляпота...

— Ну что, крещение прошел. Считай, принят, — начспас присаживается рядом и тоже закуривает. — Первые спасы? Молодец, додумался туристов привлечь.

— Четвертые, — теперь можно и не выпендриваться. — Первые — спецвыезд на похоронку, дважды самого привлекали.

— Ладно. Давай рацию и вали в третий домик, устраивайся. Меня можешь звать просто Палычем, так короче, — лицо начспаса вдруг перекашивает ехиднейшая улыбка. — «Заместитель господ бога»...

Март 1982, Центральный Кавказ

«Двадцать восемь... двадцать девять... тридцать... сваливаю». Тридцать первый шаг делаю вбок и пропускаю мимо себя Соловья и Котэ. Пристраиваюсь сзади. Теперь шестьдесят шагов можно не считать, но считаю по привычке. Тридцать. Прохожу мимо Соловья, теперь он снова дышит мне в затылок. Шестьдесят. Котэ сбоку от тропы, которой дальше нет. Врубаюсь в глубокий рыхлый снег. «Один... два...». Что, часто меняемся? Часто. Зато темп какой! Очень даже хороший темп! Таким темпом вечером будем на перевале. А там и тропежка кончится.

Честно говоря, спешить нам особо некуда, не по тревоге идем. Мы вообще не на службе. Идем на свою гору, для души. Почему бы трем раздолбаям не сходить на Гору в честь международного женского дня? Какой-никакой, а праздник. Тем паче, что из лагеря нас просто выперли. Палыч посмотрел статистику спасов за последние две недели и заговорил таким тоном, что даже Котэ не вякнул.

— Валили бы ребятки отдохнуть. Сбегайте на какую вершинку, что ли, ножки разомните. Надо же, притащить семь трупов за две недели! Похоронное бюро!..

Вот и идем, разминаем. «Двадцать один...

двадцать два...». Это «похоронное бюро» к нам приклеилось давно и намертво. С легкой руки все того же Палыча. Как будто мы виноваты, что таскаем много трупов. Все самые тяжелые случаи — наши, куда ж денешься... Дошло до того, что какая-то молоденькая горнолыжница в лоб спросила Соловья, правда ли, что всех своих женщин он раньше или позже спускает с гор в акье. Соловей честно признался, что не всех, некоторых приходится на горбу, акья-то не всегда под рукой бывает. И предложил крошке продолжить обсуждение столь животрепещущей проблемы у него в домике за рюмкой чая. Судя по его утренней физии, статистика девушку испугала не сильно.

«Двадцать девять... тридцать...». Смотрю на часы. Привал. Курим. Парни плюхаются на рюкзаки и заводят интереснейший разговор о последнем выходе. Просто охренеть! По мне, так забыть его поскорее! Почти сутки спускали эту двойку со стены. Втроем! Остальные, видишь ли, не имеют права на спасательные работы на четверке и подключатся только на леднике. А поскольку транспортируемым время, да и всё остальное, уже неприципиально, то нарушать Правила никто не намерен. Насрать и забыть! И уж сейчас всё это еще раз перетирать я категорически не жажду.

— Не понял, мужики, где девочки?

— Какие девочки? — встает в стойку Котэ.

— А с какого бодуна вы о работе заговорили?

— Кстати, о девочках! — перехватывает инициативу Соловей, — как там эта рыженькая горнопляжница? Ничего?

И ведь знает, паршивец, что я про своих девчонок никогда ничего не рассказываю, а каждый раз в одну дуду. Интересно ему, как я выкручиваться буду. Тоже мне, проблема!

— Так ее у меня Котэ увел!

— Вах! Развэ это увел? — у Котэ от возмущения даже прорезался акцент. — На одын танэц пригласыл, два исторый рассказал, до домыка проводыл, в щечку поцеловал. Ы всё!!!

— Ну, от меня-то увел, — не буду же я уточнять, что подробности Костиковых историй рыженькая выясняла у меня до самого утра. И поцелуями в щечку мы не ограничились. — Ладно, мужики, подъем, почапали.

«Один... два...».

* * *

— Связываемся.

— Ты что, Серега, здесь трещин отродясь не было!

— Связываемся.

— Деспот! Этот, как его по-русски, сатрап! — возмущенный Котэ вщелкивает карабин в систему,

делает шаг, второй, и исчезает из поля нашего зрения. Я обнаруживаю себя лежащим на вбитом по головку в снег ледорубе и удерживающим накинутую на него туго натянутую веревку. Интересно, насколько он успел улететь? Если учесть, что в момент провала я спокойно курил, сидя на рюкзаке...

— Ну, Серый, у тебя и реакция! — Соловей подходит к трещине, наклоняется и, широко улыбаясь, за шиворот вытаскивает Котэ наружу — Значит, говоришь: «Отродясь не было»?

— Нэправыльная трещына! Коварная, как Сэрогына рыжая! — Котэ не просто возмущен, он весь кипит! — Нэт здес трещын, все знают! И нэ было ныкогда.

— Ты как, нормально? Тогда пошли, — не будем акцентировать внимания на рыжей! Лучше на привале поговорим о тех сестренках-блондинках, которых он увел у меня из-под носа неделю назад. Я понимаю, что девочки никогда не расстанутся, но мог же и друзей позвать! Мы не стеснительные. А забирать всех себе, моветон-с!

— Почапали!

* * *

Хорошо здесь идти. Ни тропежки, ни глубокого снега. Всё это осталось вчера. Сегодня

только жесткий фирн и почти ровное плато. Хоть в футбол играй. Если найдется мяч, которым можно играть в футбол в кошках. Бежится изумительно. Три часа и плато позади. Еще три часа и мы под ледовой грудкой. Отсюда и надо идти на вершину. Ставиться будем, однако. О, сюрприз! Мы здесь, оказывается, гости. А хозяев-то и нет. Только палаточка в склон зарылась. На всякий случай заглядываю внутрь. Нет, никого. Значит, народ на восхождении. Интересно, откуда они подошли? В ущелье следов не было...

Ставим лагерь и начинаем активно варить компот. В своих кастрюлях и в автоклаве хозяев. Нехорошо, конечно, рыться в чужих вещах, но что-то мне говорит, что народ после спуска только спасибо скажет. Чего-то они, кстати, припоздняются. Уже темнеет, а с Горы ни звука. Может, конечно, снег глушит... Ждем-с...

* * *

— Связка... сорвалась... на пять четыреста... побились... сильно... Толик... с ними... я пещеру... рыл... мелко... вас... заметил... палатку... побежал... за помощью... — парнишка говорит с трудом, через хрипы, надо бы его поглядеть на тему пневмонии, но некогда. На-ка горсть таблеточек на всякий пожарный, и грей

компот до самого утра. Тем троим хуже.

Мы уже полностью одеты и даже в кошках. Готовим остальной снаряж. Котэ говорит с начспасом, рация хрипит не хуже пацана, но мат Палыча и его фирменное: «Похоронное бюро» ни с чем не спутаешь. Лагерь он поднимет. Но это, понятно, утром. Не фига ночью по горам бегать. К нам это, впрочем, не относится. Нам, как раз, бегать и, похоже, всю ночь. Выходим.

* * *

«Двадцать восемь... двадцать девять... тридцать...сваливаю». Шаг в сторону, Котэ, Соловей, на тропу. «Один... два...». Точно, как на подходах. Только в два раза круче, в два раза быстрее и на два километра выше. Откуда, вообще, такой рыхлый снег на этой высоте! Впрочем, не суть, моя очередь тропить. «Один... два...». На очередной тридцатке выбираюсь на камни. Дальше прём не меняясь. Осталось метров сто-сто пятьдесят по высоте, от силы полчаса работы. Впрочем, это не работа, работа начнется, как придем.

* * *

Огибаем очередной камень... Пришли. Три

лежащих тела. Всё? Нет, еще не всё. При нашем приближении один начинает шевелиться: «Тарасик умер, Леху пытаюсь отогреть». Э, парнишка, тебя самого отогревать пора. Им занимается Котэ. Соловей подходит к Лехе, я, для очистки совести, к Тарасику. Да, тут ловить нечего, клиент уже часа два, как труп. Возвращаюсь к Соловью. Тот что-то колет абсолютно мертвому на вид парню. Хотя, раз колет, значит не до конца мертвый.

— Как?

— Без шансов.

Это приговор, Соловей зря не скажет. Но бороться будет. Пару раз ему даже удавалось опровергнуть свой диагноз. Пока Соловей мучает тело, связываюсь с Палычем. Если сохраним клиента теплым до утра, будет нужен вертолет, ногами донизу спустить, всё одно, не успеем. Живым не успеем.

Готовим с Котэ мешок. Акья, понятное дело, с собой нет, мы же не на спасы шли, а на прогулку, но мешочек у нас знатный, коврик внутрь — и почти акья. Вчетвером утянем за милую душу! Упаковываем тело. Живое, естественно, и даже задышавшее. Тарасику придется пока полежать здесь, ему уже без большой разницы. Двинули.

Ну, этого следовало ожидать... Тащить придется втроем, от Толика сейчас толку никакого, спотыкается на каждом шагу. Перестраиваемся,

тащим. Ты, парнишка, главное, не отставай. Всё равно отстает, и чем дальше, тем сильнее. Хреново, бросать его одного нельзя, а мешочек надо спустить до нашей палатки максимально быстро. Выше вертолет посадить негде, а чем больше мы клиента теребим, тем быстрее он перестанет нуждаться в транспортировке. Придется делиться, благо и камни и цельник прошли. Соловей начинает вертеть буры на ледовой грудке, а я топаю наверх, к Толику. Смотри-ка, жив, однако! Только не идет, а сидит. В снегу. Что-то бормочет и пытается подняться. Настойчиво, но безуспешно. Даю ему руку и слегка подтягиваю. Встал, родной. Пойдем-ка в связке, дорогой, так надежней будет. Движемся. Медленно, но упорно. Толик падает, встает, опять падает, но движемся. А вот теперь не движемся. Поднимаю его, и поддерживаю, так он идет сам. Пока идет. До палатки ему своими ногами не дойти, это понятно, но пока пусть идет. Силы надо поберечь, еще натаскаюсь. Толик падает окончательно. Пытается встать, но не может, даже с моей помощью. При помощи всё той же веревки пристраиваю его на спину. Немаленький парнишка, да и не парнишка, под тридцать мужику, матёрый уже, здоровый. Тяжелый, то есть. Ладно, не слишком далеко осталось, допру.

Котэ встречает нас через полчаса. Ну, вдвоем-то проще будет. Намного проще...

* * *

— Палыч, нужна вертушка. Иначе мы клиента теплым не дотянем. Соловей и так удивляется, что он до сих пор жив. Вертушка нужна! Срочно!

Наезжать на Палыча бесполезно. И по жизни, и в данном конкретном случае. Если бы была возможность прислать вертолет, он бы уже летел. Пешие группы же идут. Чайники, конечно, где зимой взять нормальных ребят, но идут.

Положеньице... Дотащить парнишку живым шансов никаких. А других вариантов просто нет. Так, хлопцы, вы остаетесь здесь и ждете нашего возвращения. А мы спускаем вашего Леху и сразу вернемся. И не одни. Будем спускать Тарасика. Сами не дергайтесь, у вас не то состояние. Понятно. Ну и ладушки. Впряглись, что ли. Надо успеть.

* * *

— Ну, вы дали, парни! Зря вас Палыч похоронным бюро кличет. Такое тело теплым с Горы спустить — это нечто! С крестником вас! Если бы нам медали давали...

* * *

А вот и мы! Что, ребята, заждались? Нормально все, живой ваш кореш. По крайней мере, был, когда его привезли в больницу. Как самочувствие? Да вижу, что не очень, но спуститься сможете. И ладно. Поутру валите вниз, а мы следом с телом подтянемся. Да справимся, видишь, какой толпак... Поднабрали комсомольцев-добровольцев.

* * *

Сидим. Курим. Самое любимое наше занятие. Единственная беда, что сидим у опоры высоковольтной линии над поселком, имея при себе акью с трупом. А значит, в поселок нам пеший вход закрыт. Пронести мимо дома труп — смертельно оскорбить хозяина. Религия у местных такая, ничего не поделаешь. А в обход тащить просто в лом. И так последние восемь верст корячились втроем на каменистой тропе с акьей без колес, в снежном варианте. От коша, где ночевали. Ушедшие вниз на ночь «добровольцы», утром выходить на работу категорически отказались. Пока Палыч вправлял им мозги, мы проперлись до этой самой опоры, и необходимость в погашении бунта отпала сама собой. Зато возникла необходимость в транспорте, провезти тело через поселок в авто за криминал здесь не считается.

Палыч   разогнал   уже   собравшихся

бунтовщиков и озаботился новой проблемой. А мы пока сидим и курим.

Ага, вот и колымага едет. Закончили мы спасы. Хорошо закончили...

* * *

— Кстати, парни, умер ваш крестник. В больнице умер. Сегодня утром. Невезучие вы. Одно слово, похоронное бюро...

Май 1984, Грузия

Сидю, значит, курю.

В смысле, поел, попил, трубочку набил, сидю, курю. Наслаждаюсь.

А чего бы мне не наслаждаться?

Отработали праздники «на ура». Две недели пахали, как Папы Карлы. Плановое патрулирование, проверка групп, четыре тревожных выхода. Но всё кончается, даже праздники. И третьего дня Палыч отправил нас в отпуск. То есть, погнал к морю, группы сопровождать. Мол, они последние, не грех и сопроводить, за что вам деньги платят! Ну, с деньгами он погорячился. Деньги за эту работу только ему да мне платят. Остальные тут все общественники. За бесплатно работают. Но это уже

мелочи.

В общем, формально напряг. А фактически отправил отдохнуть: по горам погулять, да на пляже поваляться. Потому как пару простых перевалов пробежать — не работа, а при нас никто из сопровождаемых приключений на свою задницу искать не будет. А если и попробует, то хрен мы ему дадим что-либо найти.

Так и склалось. Вышли к грузинскому посту на слиянии, передали, что с нашей стороны больше проблем, то есть, туристов, не ожидается, поболтали с генацвале за жизнь, позавидовали маленько. Еще бы, нам за пивом приходилось за двадцать километров в поселок гонять, а им его вертолетом через день привозят. А Михин метод добычи спирта¹ — просто нечто... Богато живут, молодцы...

Я, вообще-то, в грузинской КСС свой, почти всех знаю, но на посту знакомых не оказалось. Зато выяснилось, что завтра Соловей с Котэ с дальнего поста снимутся и сюда приползут, а уж потом народ всем скопом двинет к морю.

Было над чем задуматься. Соловья я два года не видел. С тех пор, как их в Грузию перевели. А

---

¹ Михин способ добычи спирта — см. рассказ «Ответственный секретарь».

это произошло сразу после знаменитых мартовских спасов на Горе. Да и с Котэ больше года не пересекались. А тут всего день. Времени-то у меня немерено.

Можно, конечно, и на море их подождать, но я море больше двух дней не выдерживаю. Большую воду не люблю. Жару тоже. Что остается? Вино, бабы, карты... вино, бабы, карты... каждый день новое вино и новые бабы, только карты те же самые. У вин один и тот же вкус, у баб один и тот же... ну, тоже можно назвать вкусом... В общем, ни уму, ни сердцу. Первый день хорошо, второй — терпимо, а потом скучно. Так что на море днем меньше — только на пользу.

Можно с мужиками на посту посидеть. Пивка попить и пулю пописать. Потрендеть за жизнь. Но чего-то в лом. Одно дело Соловей с Котэ, а другое — парни, с которыми полчаса, как знаком, хоть и свои. Да и тишины хочется, покоя... Умотался малёк.

В итоге, орлы мои вниз побежали, чтобы уже завтра по пляжу рассекать, а я на семь километров от поста с ними спустился, да и тормознул в кошах.

Устроился, кошик маленько почистил, очаг подлатал, всё же мне здесь жить, хоть и один день! Шмотки разложил, устроился. Собрался балдеть.

Но грузины — народ хитрый. Под вечер залетают Валька с Гиви. Пост еще сутки работать

должен, но аварийная ситуация, понимаешь: вертолет пива не привез! По этому поводу, Миха, на правах начальника, на том же вертолете и слинял, а парни, как молодые, прут пешком вниз и рассчитывают до темноты успеть на нарзаны (ага, сейчас, тут еще километров двадцать, а света осталось часа два с небольшим, ню-ню). А потому, вот тебе, Сережа, печать поста и журнал регистрации, и представляешь ты теперь во всем этом ущелье Грузинскую Контрольно-спасательную Службу. Ты здесь теперь, считай, господь бог. Или, как минимум, его заместитель по спасению. А чтобы сомнений не было, вот тебе еще и бумажка, лично Михой подписанная и полномочия твои подтверждающая. А жетон и ксива у тебя свои. Только рацию оставить не можем, потому, как ее Миха увез.

То есть, и пост вроде как остался, и личный состав на пляже загорает.

Ну а мне что? Мне не пофиг? Заместитель, так заместитель, я с восьмидесятого года заместитель. Всё одно тут сидеть. Только на слияние тащиться лень, буду Службу здесь представлять. И рация мне на фиг не нужна, все одно, праздники кончаются, народ к морю прет. Кто до меня дошел, с тем уже ничего не случится. Да и не будет, скорее всего, никого. И начхать с десятого этажа, что вся спасслужба на ближайшие день-два представлена

одним мной и оснащена исключительно ледорубом, бахилами и панамой военного образца. Ну и журналом, конечно.

Отобрал у Вальки флаг с крестом, вывесил его на палку над кошем и пошел готовить ужин для Грузинской Контрольно-спасательной Службы. Ибо война войной, а обед по расписанию. А ужин — тем более. А парни вниз полетели, ставить рекорды на дистанции «слияние — нарзаны».

Поел я, чайку попил, трубочку набил, сидю, курю. Наслаждаюсь. Мечтаю помаленьку.

Потому как, во всем этом собственноручно созданном раю не хватает только одной маленькой детали. Ростом этак сантиметров ста шестидесяти пяти, с фигуркой как положено, нежной, ласковой и на личико симпатичной. Еще чтобы болтала не слишком много. А мелкие нюансы не столь принципиальны, мне ж с ней детей не воспитывать, так, ночку перекантоваться.

Одна беда, где же в горах эту деталь раскопать. На ночь-то глядя, вон темнеет уже. Если и шла какая группа в нужном направлении, то давно уж по палаткам забралась. Опять же, в группах половое равновесие обычно нарушено, и совсем не в пользу симпатичных деталек. Так что не светит... Ну и ладно, через пару дней на пляже буду, там свое возьму... Опа! Да я колдун! Или у меня глюки...

Было от чего обалдеть. Ибо дверь коша тихонько открылась и на порог плавно ступила девушка. Деталь? Какая там деталь! Принцесса! Королева! Мечта! Чудо! Идеал! Мой любимый цвет, мой любимый размер! А фигура! Энцефалитка, и та скрыть не может! А личико! Грязное, правда. И заплаканное. Но даже не смотря на грязь и слезы...

Вообще-то, дверь открылась не совсем тихонько. Ее сперва потряс мощнейший удар (когда Королева попыталась всем телом открыть ее вовнутрь), а потом она распахнулась наружу, сдвинув на полметра наваленный мной при чистке коша сугроб, и повисла на одной петле.

И Мечта ступила на порог не совсем плавно. Она, обо что-то споткнувшись, влетела в кош; словно ураган, прошлась по всей его площади, перевернув два чайника (хорошо хоть не тот, что с кипятком) и вдребезги разбив здоровенное зеркало (как его только сюда сваны заволокли, впрочем, они народ предприимчивый); и зарыдала, повиснув у меня на шее и прижимаясь ко мне всем телом в насквозь мокрой брезентовой энцефалитке. Точнее, продолжила рыдать, ибо занималась она этим, похоже, уже достаточно долго. Во всяком случае, у меня сложилось впечатление, что куртка вымокла именно от слез (а от чего еще, в такую-то погоду).

Кто-то из мужиков может подумать, что если

на временно занимаемую им в текущий момент жилплощадь на ночь глядя влетает девушка его мечты и со слезами виснет у него на шее, то это означает, что Фортуна обратила, наконец, на него свой лик и улыбнулась. Может он так подумать, может. Но разве можно спутать улыбку богини с хищным оскалом Судьбы, а проявления внезапно вспыхнувшей любви с просьбой о помощи?

Итак. Сексуальные мечты временно в сторону. Сколько человек? Где? И, желательно, что именно случилось? Главное — где!

Внятно отвечать на вопросы девочка не в состоянии. Как прекратить истерику? Есть два стандартных приема. Пощечина не поможет, скорее, наоборот. Опять же, надо подумать и о будущем. Вдруг, спасы закончатся быстро и благополучно, и можно будет вернуться к сексуальным мечтам. А еще лучше, к их реализации...

Нежно прижимаю рыдающее Чудо к себе, и, поглаживая свободной рукой по спине, губами нежно собираю текущие слезы. При этом шепчу какую-то успокаивающую чушь. Собственно, с тем же успехом можно и матом ее крыть, главное, максимально ласковым тоном, слов она, всё равно, не разбирает.

Ну вот, уже лучше. Поток слез потихоньку слабеет. Откуда клиенты шли уже понятно.

Собственно, с моим матобеспечением остальное абсолютно неважно.

Аккуратно отстраняю Принцессу от себя, и тем же нежным голосом объясняю ей диспозицию. Сначала она должна сменить свою энцефалитку на мою пуховку. И всё остальное, что у нее мокрое, на вот эти шмотки. Размерчик, правда, не совсем тот, зато сухое и теплое. А потом она должна натопить много снега и накипятить много чая. А я сейчас быстренько слетаю туда — не знаю, куда и спасу ее друзей и подруг от всех мыслимых и немыслимых опасностей. Да-да, тех, кто простудился, вылечу еще до коша. И от отека легких тоже. Ибо я если и не сам господь бог, то уж его первый заместитель по спасению точно. По крайней мере, в этом ущелье.

Королева остается переодеваться и нагребать в чайники снег, а я, быстро натянув бахилы и шляпу, выскакиваю в темноту, не забыв зацепить правой клешней ледоруб, а левой пристроить на место дверь. Как жаль, что петцелевские налобники дойдут до нас только через двадцать с лишним лет... Темновато без фонаря... Ну да ладно, нам, грузинам, адекватно! Особенно грузинам столичного разлива и еврейской национальности!

До слияния семь километров. Утром я шел час двадцать. Вниз. Сейчас сорок минут. Вверх. Некруто, но вверх. Правда, ходьбой мой способ

передвижения можно назвать весьма условно. Неслабая такая ходьба со скоростью десять км в час вверх по ущелью. И куда, интересно, я так лечу? Раз накрыло всю группу, значит, лавина. Причем, неслабая лавина. Что я смогу сделать против неслабой лавины с бахилами и ледорубом? Пока она не остановилась, могу на ней покататься... Эта уже остановилась. А значит, скорее всего, даже не найду ни одного тела, только свежий лавинный вынос. Однако ноги уже вошли в этот ритм. Ладно, пробежимся еще маленько, быстрее вернусь к Мечте. Я уже полчаса гоню от слияния. Первый приток, пять километров. Так! А это что за явление природы?

Поперек тропы лежал огромный рюкзак. Литров на сто сорок, не меньше. На рюкзаке пристроилось собственно Явление. При ближайшем рассмотрении Явление оказалось здоровенным парнем лет двадцати. Даже слабость лунного света не скрывала ни двухметрового роста, ни богатырского размаха плеч. При моих неполных ста семидесяти сантиметрах, я от таких ребят стараюсь держаться подальше. Чтобы не словить комплекс неполноценности. Признаков жизни Явление почти не проявляло. Присутствовало только слабое дыхание. Уже хорошо. Дальше по тропе угадывалось еще штук пять скульптурных групп, аналогичных первой.

В принципе, ребята абсолютно правы, ночью надо спать, а не бегать по ущельям в поисках приключений на свою задницу. Неправ, как раз, я. Потому как бегаю. С другой стороны, спать в заснеженном ущелье на высоте почти три тысячи метров в мае месяце предпочтительнее не на рюкзаке в брезентовой штормовке на голое тело, а в спальнике и, желательнее, в палатке. Если, конечно, в планы ближайшего утра входит просыпание. А потому сладкий сон данных представителей счастливого человечества придется прервать. Самым грубым и безжалостным способом.

Ору любимое: «рота, подъем». Никакой реакции. Совсем. В армии, похоже, не служили.

Трясу. За плечо. Аналогично.

Ладно, пробуем жестче.

Действо номер раз: за грудки!

Действо номер два: рывок!

Действо номер три: потрясти уже сидящее Явление, как прапорщик дерево с бананом на верхушке.

Ага! Есть эффект! Явление открыло левый глаз, чуть слышно пролепетало: «Оставь меня, я умирать буду», и закрыло глаз обратно. Клиника! Придется лечить. Методов, как всегда, два.

Ну уж фигушки, ЭТО я целовать не намерен. Ни нежно, ни сладострастно. Тем более, что бульдожья пачка явления находится (блин, в

низкосидячем положении!) на уровне моего плеча, а не лица.

Пощечина тебе тоже будет, как поглаживание. Ничего, прямой слева у меня очень даже хороший, на Соколинке ставил, в уличных драках. Блин! Я этим ударом разбивал кирпич в труху! А клиент только открывает правый глаз и изумленно таращит его на меня: «Ты чего дерешься?»

Мой ответ продолжается минут пять. Приличных слов там только: «А хуй ли еще с тобой делать, мудака». Всё остальное ни в коем случае нельзя не только произносить в приличном обществе, но, даже, писать на бумаге, заменяя большую часть букв точками и звездочками. Впрочем, повторить сей шедевр словотворчества мне, все равно, больше никогда не удастся, так что проехали. Завершаю свой ответ прямым справа, ибо открытый глаз опять начинает закрываться. Теперь у меня гудят обе руки. Прямой справа у меня тоже ничего. Нормальному человеку лобовую кость ломает. Только не этому... Голова даже не дернулась! Йети! Алмасты! Гадом буду, без пяти минут снежный труп!

Йети, наконец, открывает оба глаза и его взгляд приобретает легкую осмысленность. «Мать! — мелькает запоздалая мысль, — если он сейчас ответит на удар, Соловью придется меня по всему ущелью собирать. Если, вообще, что-нибудь

останется». И ничего не сделаешь, ему мои удары, как комариные укусы. Ладно, главное не отдавать инициативу:

— Так, непарнокопытный сын грязного животного, что это за гарем нетрадиционной ориентации, имевший оральные сношения с троюродной бабушкой вашего руководителя?! — взгляд становится еще осмысленней. Великое дело — русский мат. Особенно с восточной витиеватостью.

— Шо? — или Украина, или Северный Кавказ. Шокает, однако.

— Откуда группа, руководитель кто?

— А! Руководитель... того... в Ростове остался.

Час от часу не легче. Ладно, Ростов не в этом ущелье, не моя зона ответственности.

— Подымай народ!

— А как?

— Как я тебя поднял, отрыжка безногого крокодила, так и подымай!

Алмасты с трудом подбирается к Явлению номер два и нежно трясет его за плечо. Я пока занимаюсь остальными. Уже без излишней сентиментальности. За грудки. Рывок. Прямой слева. Прямой справа. Матерный крик в ухо. Следующий. За грудки... Как на подбор ребятки, инкубатор у них, в Ростове, что ли... Рывок, прямой

слева... Лишь бы не ответили, костей не соберу...
Прямой справа. Крикнуть. Следующий. Ага,
последний. Их пять. Шестой рюк, видимо, моего
Идеала. Тащить его придется, конечно, самому.
Ладно, не смертельно.

Так, а что там со вторым? Сидит. Не больше.
Сейчас поправим. Слева. Справа. Да здравствует
социальная справедливость! Всем, так всем!

Зашибись! Все встали?! А теперь, так вашу
через разэтак и еще восемнадцать раз в позе лотоса,
одеди рюкзаки! И бегом, дети обгаженной свиньи и
шелудивого шакала, рожденные из заднего прохода
плешивого ишака! Бегом!!! Что еле ноги
переставляешь, незаконнорожденный потомок
колченогой гиены, оприходованной старым
бараном противоестественным способом?! Еще
двенадцать километров бежать! Мне что, с вами до
подхода Соловья маяться? Тогда еще неизвестно,
кому Принцесса достанется, на Котэ бабы липнут,
как мухи на мед... Не хочешь?! А ледорубом по
спине?! Скажи спасибо, что рюкзаком прикрыта,
помесь облезлого гамадрила с
неандертальцем-гомосексуалистом! Ага, инстинкты
уже проснулись. Стадный, по крайней мере.

*По освещенному неверным лунным светом
ущелью дерганым бегом двигалась цепочка из
шести человек. Последний в цепочке, самый
маленький, отчаянно матерился и периодически*

лунил ледорубом по рюкзаку впереди бегущего. Остальные только молча сопели, но каждый, получивший удар, немедленно передавал его вперед. Когда цепь ударов доходила до первого, темп движения несколько возрастал, но потом постепенно опять падал. И замыкающий снова хватался за ледоруб.

Четыре часа! Четыре часа вырванная из рая предсмертных эротических сновидений в персонифицированный в моем лице ад жуткой реальности часть человечества переставляла свои опорные конечности в направлении новой базы Грузинской КСС. Я уже думал, что время остановилось, и мне предстоит вечно гнать это стадо по ночному ущелью навстречу коммунизму, когда запахло дымком, и справа от тропы засветились окна моего коша.

Ай да Принцесса! Не спит, ждет свою судьбу в моем скромном лице! Встречает готовым ужином у разобранной постели. В смысле, сидит, укутавшись в спальник, и поддерживает кипение воды во всех трех чайниках. Молодца! Чайку сейчас самое оно!

Поправляю снесенную Явлениями дверь.

— А ну по лавкам, бисово отродье, — выражения пора смягчать, я уже не только олицетворение персонального ада мужской части ростовской группы, но и заместитель всевышнего.

По спасению. — Достать кружки и спальники. Пить чай и спать, утром разберемся.

Достали, попили, расползлись. Молодцы.

Только девочка сидит и не шибко шевелится.

Ну, что ты, детка, всё нормально, все живы. Не надо вставать, обойдемся без твоего спальника, моего на двоих за глаза хватит. Сейчас я чуток к утренним разборкам подготавлиюсь, и будем спать. Всё. Ложись. И ничего не бойся, я с тобой, всё позади...

Теплые и невероятно сладкие губы Мечты льнут к моим губам, и это последнее, что я ощущаю, проваливаясь в глубокий омут сна.

* * *

Вы думаете, я просыпаюсь от нежного поцелуя? Ага, счас! Просыпаюсь я от громкого мата! Посреди коша стоит китаец двухметрового роста, смотрится в осколок зеркала и отчаянно матерится. По-русски. Прислушиваюсь. Неплохо. Громко. Только несколько однообразно. И витиеватости не хватает. А где моя Мечта? Нетути! Вроде бы, когда засыпал, была рядом со мной. Или мне это приснилось? А ночной выход тоже приснился? Судя по ломоте во всем теле, вряд ли.

Минуточку! А откуда в грузинском ущелье ни свет, ни заря появился китаец? Или японец? У кого из азиатов цвет кожи не просто смуглый, а с

фиолетовым отливом? Ладно, мне, в общем, без разницы, хотя разрез глаз очень характерный.

Сажусь и протираю глаза. Ба! Это же Явление! Только никак не врублюсь, какой номер. Судя по всему, цвет и форма лица — моя работа. Значит, и Мечта была. Тогда куда подевалась? Надо разобраться... Некогда! Сейчас что-то будет! И не слишком приятное...

Горилла с берегов Янцзы обращает на меня щелочки глаз и ревет:

— Кто меня так?

— В смысле?... А... Это ты на столб налетел, когда в кош входил, темно было, не заметил с устатку, — главное — сбить с толку, а то на нарах уже начинают шевелиться остальные представители Поднебесной вчерашнего изготовления.

Теперь меняем тему! Натягиваю анорак с красующимся жетоном КСС, — Грузинская Контрольно-спасательная Служба! Начальник поста Имярек! Что за группа, какой маршрут, почему не используете снаряжение на ночевках, почему без майки?

— Сереж, кофе хочешь? — о, вот и моя Мечта. Не сбежала девочка от меня спящего к представителям монголоидной расы, а готовила кофе в постель потенциальному любимому мужчине. И какой кофе! Я сражен наповал. Я влюблен и готов складываться штабелем у ног

своего Идеала. Даже двумя штабелями.

Вот только разберусь с узкоглазыми неандертальцами. Чтобы они меня штабелем не сложили.

Их бы еще кто накормил. Я понимаю, что каша готовится... Сама-то хлебнула кофейку? Тогда ладно. Сытый питекантроп, все одно питекантроп, а сколько алмасты не корми, он всегда злой. Особенно, когда обнаруживает, что за ночь стал фиолетовым китайцем.

Пора продолжить допрос тупиковой ветви эволюции приматов.

— Откуда шли? Какой маршрут? Почему не остановились на ночлег?

Вообще-то, я всё знаю. Из их же маршрутки, которую вчера не поленился конфисковать (спасибо Принцессе, хрен бы нашел), изучить, вписать необходимые примечания от родной службы и припрятать так, что и сам не сразу найду. Но пусть говорят. Пока говорят, кулаками махать не будут. Если дело дойдет до драки, моя смерть будет быстрой, и не факт, что безболезненной. Ага, про физиономии почти забыли, великое дело психология. Только впереди еще один очень острый момент.

— Нет, ребята, на перевал вы не пойдете. Вы пойдете вниз, к морю. А вашу маршрутку я отправлю в Ростовскую краевую МКК.